



Собеседник

Романовский Борис Васильевич

Ведущий

Богатова Татьяна Витальевна

Дата записи

Беседа записана 20 февраля 2013 и опубликована 7 мая 2013.

Введение

Первая беседа с ученым посвящена воспоминаниям о семье, детским впечатлениям, поступлению и учебе на химическом факультете и начале профессиональной деятельности. Борис Васильевич вспоминает о семейных связях с нобелевским лауреатом химиком Николаем Николаевичем Семеновым и археологом Борисом Александровичем Рыбаковым, об аресте родителей и расстреле отца, о начале войны. Особенный интерес представляют воспоминания о школьном учителе химии, первых научно-популярных книгах, школьных опытах — о том, что породило интерес к химии. С особенным вдохновением рассказывает ученый о годах учебы на химфаке 1950-х годов, об учителях, прославленных ученых — Викторе Ивановиче Спицыне, Льве Абрамовиче Тумаркине, Иване Павловиче Алимарине, Владимире Ксенофоновиче Семенченко, Александре Николаевиче Несмеянове и Клавдии Васильевне Топчиевой. А еще о преподавании на Кубе на испанском языке, об утверждении диссертации за две недели и, конечно, искусстве размышлять.

Татьяна Витальевна Богатова: Пожалуйста, расскажите о вашем жизненном пути, о семье. Может быть, вначале о семье, о вашем роде, из которого вы происходите.

О своих предках

Борис Васильевич Романовский: Постараюсь более или менее подробно об этом рассказать, настолько, насколько мне удастся сделать это по рассказам моих родственников, по тем очень немногочисленным документам, которые сохранились. Судьбе было так угодно распорядиться, что более полутора веков, более ста пятидесяти лет, наш род, род Романовских, был так или иначе связан с Московским университетом. В 1850 году мой прадед, Иван Васильевич Романовский, он сыном был наставника Владимирской духовной семинарии, поступил на медицинский факультет Московского университета в качестве так называемого «казенного» студента. И как казенный студент Иван Васильевич по распределению, как мы сейчас бы сказали, был обязан отработать несколько лет. Он по распределению попал в качестве полкового лекаря в 1855 году (то есть он пять лет проучился на медицинском факультете), он попал в Крым во время Крымской кампании. И всю свою жизнь он пробыл, по сути дела, военным медиком. Сначала лекарем, потом приват-доцентом, потом профессором, и, конечно же, в его жизни и вообще, наверное, в жизни нашего рода Романовских огромную роль сыграло то, что он во время Крымской войны работал непосредственно с великим Николаем Ивановичем Пироговым.

” Конечно, есть искушение сказать и рассказать, что мой прадед держал склянку с эфиром, когда Николай Иванович делал операцию — ведь он первый применил в военной хирургии эфирный наркоз. Ну, поскольку документов не сохранились, я вряд ли что-то могу здесь сказать.

Значит, в течение Крымской войны он был ассистентом Николая Ивановича Пирогова, и за эту Крымскую войну он получил медаль с Андреевской лентой. Это была очень высокая для молодого полкового лекаря награда.

Т.Б.: Тем более для молодого.

Б.Р.: Для молодого. Только что кончил университет и сразу попал в это крымское пекло. А вот мой дед, сын его, Василий Иванович Романовский, выбрал совсем другую стезю. Поступил он в Московский университет в 1894 году на историко-филологический факультет. И точно так же, как казенный студент после окончания через пять лет был направлен преподавать историю и русский язык во Владимирскую женскую гимназию. Было ему в ту пору двадцать шесть лет всего. Он без памяти влюбился в свою ученицу, гимназистку 10-го класса, мою будущую бабу, невероятно красивую девушку Елизавету Абакумовскую.



Дедушка Б.В. Романовского

Она происходила из совсем другого сословия. Она была дочерью Дмитрия Петровича Абакумовского, который занимал довольно высокое положение в рабочей иерархии. Он был машинистом Московско-Нижегородской железной дороги. Вы прекрасно понимаете, что это была должность очень высокая, поэтому он, конечно, относился к классу рабочей аристократии. Это был второй мой прадед. Вот так, собственно говоря, и соединились в моем роду, в роду Романовских, два сословия: сословие интеллигенции и сословие рабочего класса. Но нужно сказать, что две дочери из трех дочерей моего деда и моей бабушки: младшая Соня — моя мама и средняя Аня — моя тетя, не изменили гуманитарному направлению в своих профессиях. Обе сестры окончили Московский университет. Третья стала художницей, она в другом месте училась. Мама стала историком и археологом, и нужно сказать, что в университете она училась в одной группе со знаменитым Борисом Рыбаковым, будущим главой советской археологической школы. Один раз мне посчастливилось проводить вместе с ним раскопки в Звенигороде. У меня до сих пор сохранился его подарок — маленький перочинный ножик, которому, представляете, сколько уже? Много десятилетий.

А тетя Аня стала экономистом.

Т.Б.: Мама училась на историческом факультете?

Б.Р.: Да, мама училась на историческом.

Т.Б.: А в какие годы?

Б.Р.: Даже не знаю, архива-то нет.

Т.Б.: Какого она года рождения?

Б.Р.: 1908 года.

Т.Б.: Тогда получается, что это конец 20-х годов.

Б.Р.: Да, конец 20-х годов. А пока, до 17-го года, все три девочки учились в гимназиях, сначала в Москве, а потом в 1913-м и 1917 году они учились в русской гимназии в Гельсингфорсе, это современные Хельсинки, куда мой дед был назначен на очень высокий пост. Он был назначен инспектором русских учебных заведений (это официальное название) Великого княжества Финляндского.

Т.Б.: Да, интересно.

Б.Р.: Причем в статусе действительного статского советника, что соответствует штатскому генералу. Поэтому когда бабушка разговаривала с прислугой, то финская прислуга ее называла «Ваше превосходительство». Каждое лето девочки проводили на даче у двоюродного брата моего деда, иначе говоря, у моего двоюродного деда — генерала Ивана Павловича Романовского, будущего начальника штаба военных сил юга России. Он был ближайшим сотрудником Антона Ивановича Деникина.

Т.Б.: О как интересно! Как все переплелось!

Б.Р.: В воспоминаниях его дочери, к сожалению теперь покойной, Марины Антоновны Деникиной, он упоминается. А если вы помните, наверняка помните Алексея Толстого «Хождение по мукам», то там он упомянут как «красивый, румяный генерал Романовский». Произнесена такая фраза.

Жизнь деда в революционные и раннесоветские годы

В Гельсингфорсе такие, если хотите, пролетарские гены моей бабушки сыграли очень важную роль в истории моей семьи. Оказалось (потом я об этом узнал), что



она под видом воскресной школы разрешала в доме моего деда, который занимал достаточно высокий пост в иерархии царского чиновничества, собираться членам Центробалта.

Дело в том, что военная морская эскадра, балтийская, базировалась не в Петербурге, она базировалась в Гельсингфорсе. Поэтому матросские революционные веяния все, конечно, происходили в Гельсингфорсе. Так вот под видом воскресной школы бабушка (я думаю, что дед знал, хотя никаких сведений об этом не сохранилось) — там у них тайком собирался этот самый Центробалт. Это обстоятельство сыграло очень серьезную роль в жизни моего деда и спасло его от железных лап ЧК, куда он сразу попал после приезда в 1917 году, когда распалась Россия, когда Финляндия приобрела самостоятельность. Он попал в Москву, и его тут же замели, естественно. Царский генерал! Кто знал, что он штатский генерал. Тогда каким-то образом в Москве по своим партийным делам оказались два матроса, которые были членами Центробалта. Они с маузером явились в ЧК и объяснили — суровые матросы объяснили не менее суровым чекистам, — что это совсем не тот Романовский, которого нужно было арестовывать. Короче говоря, деда выпустили сразу же.

Т.Б.: Действительно повезло.

Б.Р.: А потом с дедом встретился его однокашник по Московскому университету, они учились на одном курсе, очень известный историк, Михаил Николаевич Покровский. Он был его очень близким другом.

Т.Б.: Он ведь был такой величиной в те времена, в 20-е годы.

Б.Р.: Да, он был близок к руководству страной, и партийному и административному, в тот период. И он сказал: «Вася, уезжай-ка ты с глаз долой из Москвы куда-нибудь подальше». Он добился назначения деда сначала преподавателем русского языка и истории русского языка в один из пансионатов древнегородского Суздаля. А в 1923 году дед был назначен директором Суздальского краеведческого музея, единственным сотрудником которого он был в течение довольно многих лет, думаю, более пятнадцати лет. В 23-м году как раз был организован в Суздальском кремле, который находится в самом центре города, этот музей. Дед не только был администратором, не только занимался созданием экспозиции, он занимался и раскопками как профессиональный историк, как археолог. Мама потом пошла по его следам, она была наполовину историком, работала в Историческом музее, а наполовину археологом. Об этом я потом расскажу.

Я всегда с интересом участвовал в раскопках. Это было в 38-м — 39-м году, когда я туда попал. Там проводились раскопки, и я однажды нашел в этих раскопках какой-то черепок, который оказался историческим черепком. Я уверен совершенно, что до сих пор этот безымянный черепок выставлен в историческом музее, который сейчас организован в Рождественском соборе. Если кто-то будет в городе Суздале, то в Суздальском кремле есть Рождественский собор с очень красивым голубым куполом, звезды на куполе, и там пока существует этот краеведческий музей. Один черепок в нем точно мой.

Т.Б.: Понятно (*смеется*).

О работе отца

Б.Р.: Мой отец, как и мама, тоже закончил Московский университет. Но он был физиком и начинал свою карьеру не в Москве, а в Ленинграде, в Физтехе, в институте Иоффе.

Т.Б.: Где Ландау был.

Б.Р.: Отец был не только ближайшим сотрудником, но и другом Николая Николаевича Семенова. Они там начинали.

Т.Б.: О как интересно! Как все переплетается!

Б.Р.: Все переплетается. Одна из замечательных совершенно реплик... я на очень многие годы запомнил эту реплику моей мамы. Однажды, я был уже взрослым студентом Московского университета, достаточно сознательным в химии человеком (где-то в Прибалтике мы отдыхали все вместе), я в одном из магазинов увидел книгу Семенова «Кинетика реакционной способности». Я принес ее домой, мама ее увидела, посмотрела на заголовок, посмотрела на автора и сказала совершенно замечательную фразу: «Это что, Колька Семенов?» Из этой реплики я понял, что Николай Николаевич Семенов, будущий единственный наш нобелевский лауреат по химии, академик и вообще выдающийся человек, был довольно близок с нашей семьей и бывал у нас дома, раз мама так сказала.

Потом, после Ленинграда, отец преподавал на рабфаке МГУ в качестве доцента и даже написал учебник по физике, который по счастливому стечению обстоятельств сохранился в нашей библиотеке. Отец писал учебник, а мама рисовала рисунки к этому учебнику.

Т.Б.: Прямо как в семье Лавуазье! Он пишет труды, а она оформляет иллюстрации.

Б.Р.: Учебник счастливо сохранился в хранении библиотеки главного здания МГУ.

Арест родителей в 1937 г.

Как я попал в Суздаль? В Суздаль я попал по довольно печальному событию, которое наступило для нашего семейства в эти смутные 37-е годы, когда я остался и без отца, и без матери. Но мне повезло: в то мгновение, когда за мамой приехали, бабушка была в Москве, она меня тут же схватила и увезла

к деду в Суздаль. Это был конец 37-го года. Там я провел всю войну, первоклассником встретил войну там. Прекрасно помню два дня. Суздаль — это же провинциальный город, конечно, война туда не доходила, никакие самолеты не летали, никаких бомбежек, военных действий там не было. Два дня помню. Начало войны прекрасно помню. Это воскресенье было, яркий солнечный день. Я спал один в комнате, комната была зашторена, и свет пробивался... Удивительно просто помню это мгновение. Свет пробивался через маленькую щелку. Вошел дед и просто сказал: «Началась война».

И последний день войны помню, это было 8 мая 45-го года. Дело в том, что я по рождению Дева, а как вы знаете, Дева очень приучена к порядку. Я знал уже — 8 мая победа, объявлено, уже по радио сказали. Это не было воскресенье, я собрался в школу, иду в школу, а навстречу мои ребята, с которыми я учился, и говорят: «Куда ты идешь? Сегодня же объявили...». И тогда я очень строго сказал: «Было сказано, что все должны быть на своих местах». Вот я шел на свое место в школу. Дальше я даже не очень помню.

Т.Б.: Борис Васильевич, а как познакомились ваши мама с отцом? Когда это было?

Б.Р.: Они вместе учились. Отец заканчивал физфак, а мама истфак кончала.

Т.Б.: После окончания учебы он поехал в Ленинград?

Б.Р.: Да, но он поехал один. Я-то родился в Москве в 33-м году в Голутвинском переулке. До сих пор этот дом сохранился. Я как-то однажды с ностальгическим настроением туда пошел и вижу, что да, он сохранился, этот дом. До своей квартиры я, естественно, не дошел, но дом цел. После войны, когда мама вернулась из мест достаточно отдаленных...

Т.Б.: Борис Васильевич, как произошло это и за что?

Б.Р.: О-о-о, это интересно?

Т.Б.: Да, конечно же, это ведь ваша история и история вообще страны.

Б.Р.: Там есть драматические и трагические моменты — в этой истории. Отец, как и его две сестры, были очень ортодоксальными коммунистами. Две мои тетки были секретарями укома комсомола в Днепропетровске, и уже после войны они приобрели статус старых большевиков. Отец был секретарем парторганизации рабочего факультета, рабфака. Однажды, а тогда было движение, связанное с уничтожением троцкизма, он на партсобрании выступил против исключения из партии его друга, который был отъявленным совершенно троцкистом. Его сестра потом была моим детским врачом, и в детстве, пока я жил в Москве, она все время меня наблюдала. Ну вот, и отец проголосовал против, и тогда на него написали донос. Откуда я это знаю?

Т.Б.: Это в каком году, уже именно в 37-м?

Б.Р.: Это 37-й год, мне четыре года. Написали донос на него. Причем в 56-м году, когда мама вернулась оттуда, когда началась кампания реабилитации, она добилась, чтобы ей показали следственное дело моего отца. Приговор был очень трагический — десять лет без права переписки. Известно, что это. А мама попала в Мордовские лагеря, в Темниковский лагерь, о котором она очень мило вспоминала, она была там с женами и детьми расстрелянных военных. Генералитет был расстрелян, а всех жен туда, в Темниковские лагеря отправили. И мама видела этот донос. У меня, в моей биографии университетской была, неудобно хвастаться, но история такая, всего одна четверка — по физике. У меня и у моего близкого друга очень Славы Соколова. Все остальные были пятерки. Сейчас бы я, наверное, не стал, конечно, пересдавать. Но меня, надо сказать, задела за живое эта четверка. И я договорился с преподавателем, что он примет нас со Славкой у себя дома и поговорит с нами. Ясно зачем, раз четверка. А жил он в нашей боковой зоне профессорской. Я не буду называть фамилию... Так вот, когда мама увидела этот донос...

Т.Б.: Это как раз был он?

Б.Р.: Она побледнела, когда я произнес эту фамилию, потому что она видела под доносом его хорошо и четко написанное имя.



А главным аргументом было «создание террористической группы с целью убийства вождя». В качестве списка террористической группы был список студенческой группы моего отца.

Раз он руководитель, не один же он пойдет с арбалетом на вождя. Тогда было в этом отношении демократично, в то время была специальная военная прокуратура, на Арбате она находилась. Она поехала на Арбат, и ей все показали.

Т.Б.: И когда же арестовали отца?

Б.Р.: В 37-м году.

Т.Б.: В начале? В каком месяце, у вас не осталось?..

Б.Р.: Нет-нет, не помню.

Т.Б.: А маму сразу же арестовали?

Б.Р.: Буквально через полгода за ней пришли. Опечатали комнату, нам с бабкой моей, Елизаветой Дмитриевной, пришлось ютиться в комнате для прислуги. Это была старая дворянская квартира большая, которая потом стала коммуналкой, и при кухне была комната для прислуги. Вот мы там с бабушкой прожили две недели. Прекрасно помню.

Т.Б.: А почему, интересно? Это такая практика была? Ведь вы остаетесь с бабушкой, а вас выгоняют?

Б.Р.: Конечно. Две комнаты у нас были смежные. Опечатали. Мы остались вообще без всего и были вынуждены с бабушкой через две недели перебраться в замечательный город Суздаль.

Колокола Саввино–Сторожевского монастыря

Ну вот, я все-таки хочу немного вернуться к моему деду, потому что о нем до сих пор остались добрые воспоминания среди очень многих, естественно, людей старшего поколения, которые сейчас живут. У них в Суздале есть такой очень энергичный журналист, Юрий Васильевич Белов, который целую кучу статей, связанных с биографией деда, в разных изданиях опубликовал. Он до сих пор добивается, чтобы одну из улиц в Суздале назвали в честь Василия Ивановича. Чем еще интересен суздальский период жизни моего деда? Да, он действительно был в течение многих лет директором краеведческого музея, но я с гордостью хочу рассказать об одном очень важном деянии. Дело в том, что, как вы прекрасно понимаете, Суздаль был город церквей и монастырей. Знаменитый Саввино-Сторожевский монастырь, у которого на звоннице были великолепные колокола. Эти колокола местное руководство решило снять и переплавить на орала, то есть орала переплавить на мечи. И вот деду, благодаря тому, что он уже несколько лет там проработал и местное руководство его знало и ценило как организатора краеведческого музея, удалось отстоять эти колокола.

Т.Б.: Удивительно в те времена.

Б.Р.: Да, это был 26-й или 27-й год, и ему удалось эти колокола отстоять.

Т.Б.: И они до сих пор остались?

Б.Р.: Да, они до сих пор остались. Когда наступило, так сказать, нормальное время, их подняли на старое место, и до сих пор, если люди, экскурсанты, приходят в Саввино-Сторожевский монастырь, а там очень богатая звонница, звучат эти самые колокола, которые обязанные своим спасением моему деду.

Т.Б.: Деда звали Василий Иванович, а отец, стало быть, Василий Васильевич.

Возвращение мамы из лагеря

Б.Р.: Да-да. Когда мама вернулась из своего дальнего и многолетнего... Дело в том, что по заведенным тогда порядкам, как член семьи, она получила всего пять лет. В принципе она должна была быть освобождена в 42-м году, но там никогда никого не оставляли, а заставляли их быть вольнонаемными на поселении. Мама считалась вольнонаемной, но уехать не могла, потому что ни паспорта, ничего не было, даже справки не было... Она приехала за мной в Суздаль уже после окончания войны и увезла меня в Москву. Первое время мы жили на квартире у брата моей бабушки, Абакумовского, который потом был заместителем министра нефтяной промышленности СССР. Он очень близким был другом Байбакова. Он был старше, конечно, чем Байбаков, но, тем не менее, неоднократно в семейных разговорах упоминалась эта фамилия. А потом мы оказались в Звенигороде.

Т.Б.: То есть, в ту квартиру, где вы жили, вас уже не вернули?

Б.Р.: Нет, она была уже заселена.



Мать Б.В. Романовского

Т.Б.: Тогда давали комнаты в новом месте, если старые жильцы возвращались?

Б.Р.: Нет, нет. Когда мама вернулась, и мы приехали в Москву, то мы у дяди Мити, маминого дяди, жили, наверное, месяца два. Дело в том, что после окончания университета отец уехал в Ленинград, а она работала в Историческом музее, который на Красной площади. Она была там одним из сотрудников.

И пока мы у дяди Мити прожили месяц, она, видимо, ходила по всяким инстанциям и, имея историческое и археологическое образование, была назначена куратором в краеведческий музей в Звенигороде.

Т.Б.: Хорошее место.

Б.Р.: Как раз в Звенигороде я и познакомился с Борисом Рыбаковым, будущим академиком. Он приехал к маме, не знаю уж, ухаживал он за ней или нет, они же были ровесники. Там проводили раскопки. И в городище, там, правда, действующая церковь, мама организовала краеведческий музей и в течение нескольких лет была заведующей музеем, пока не встретила с моим отчимом, со своим тоже однокурсником, историком Владимиром Геннадиевичем Карцевым. Она вышла за него замуж, и мы уехали в Тулу. В Туле я, собственно говоря, и закончил среднюю школу.

Т.Б.: Вы там в старших классах учились?

Учеба в школе и увлечение химией

Б.Р.: Да, с шестого по десятый класс. Как раз там, в период моей школьной жизни, наверное, в восьмом классе, я впервые столкнулся с химией, которая определила на всю оставшуюся жизнь мою необыкновенную любовь к этой профессии, к профессии химика. А началось все немножко странно, даже не с химии, как это ни парадоксально. Началось это все, когда я с моими тетками, с сестрами моего отца, как-то попали в Днепропетровск, и там в магазине я натолкнулся на книгу Корсунского, которая называлась «Радиоактивность». Я в нее вчитался, все запомнил, в те времена память прекрасная, это восьмой класс был. Когда я вернулся после каникул в Тулу, то моя учительница, которая, конечно же, сыграла исключительную роль в моей ориентации на химию, Валентина Николаевна Самохвалова, узнала, что я прочитал эту книгу, и вдруг мне предложила: «А ты сделай доклад по поводу радиоактивности». Первый доклад мой в восьмом классе, первый научный доклад — по радиоактивности. Потом Валентина Николаевна так прониклась ко мне и доверием и любовью, что поручила мне вести ее лабораторию, которая была при классе. Я готовил эксперименты демонстрационные, а некоторые эксперименты она даже мне доверяла!

Т.Б.: Показывать перед классом?

Б.Р.: Показывать такие простенькие, скажем, титрование в присутствии, я примерным языком говорю, в присутствии индикаторов. Ну, конечно, это очень нравилось. Это была самая лучшая школа, я учился в мужской школе, там девчонок не было. Это были послевоенные годы, когда все очень было жестко. Некоторые преподаватели нам казались, конечно, уже стариками. А они начинали еще в царской школе, то есть были гимназическими преподавателями. Вот преподаватель математики, Николай Александрович Тихомиров, и Валентина Николаевна Самохвалова были старыми преподавателями, прошедшими еще дореволюционную школу. Они были преподавателями, у которых еще сохранилась та методика.

Что это за методика была? До сих пор помню. Валентина Николаевна, зная мою любовь и знание химии... Я, между прочим, как раз в восьмом-девятом классе прочитал книгу Глинки, вузовскую. Конечно, не Некрасовскую толстенную книгу. Книгу Глинки я, можно сказать, знал наизусть и в каких-то вещах знал больше, чем Валентина Николаевна. Она это поняла и вообще никогда меня не спрашивала, в те времена, видимо, это возможно было. Она мне, естественно, выводила пятерки в четверти и годовые, но не спрашивала. Точно так же поступал Николай Александрович Тихомиров, очень строгий был он у нас завуч, который преподавал математику.

У меня до сих пор сохранилась любовь к математике. Я даже когда поступил на химфак (первые два курса у нас была математика), я подумывал, а не перевестись ли мне на механико-математический факультет. Николай Александрович тоже меня не спрашивал. Его отношение ко мне выражалось вот в чем: когда он формулировал какую-то новую теорему, он меня вызывал к доске. Он был очень суров, всех нас называл только по фамилии, никогда по имени и отчеству. Очень был строгий, он был завучем. «Романовский, к доске», — говорил он. Ну, я знал, о чем речь-то будет. Все теоремы, которые нужно было

рассказывать по математике, он не то, чтобы заставлял меня выводить... я стоял у доски, он говорил. Такая у него была метода: он формулировал теорему, по геометрии особенно почему-то он любил меня к доске таскать: давай, рисуй равносторонний треугольник, и я рисовал равносторонний треугольник. Ну, а дальше, якобы, я с ним выводил какую-то теорему.

Т.Б.: Доверял вам письменную часть? (*смеется*)

Б.Р.: Да, доверял и так меня подталкивал...

Т.Б.: Вообще хороший метод, надо сказать, очень стимулирует ученика, который выбран таким представителем у учителя.

Б.Р.: Так вот, я хотел сказать, что действительно эта школа, она, к сожалению, сейчас уже не существует... Откуда я знаю? Студентка, которая сейчас работает в нашей лаборатории, тоже в Туле училась. Когда я спросил про эту школу, она пожала плечами: не знает такую школу. Она действительно была одной из лучших школ, думаю, что лучшей, потому что треть профессоров в Тульском политехническом институте кончили нашу школу.

” В те времена были введены медали: серебряные и золотые. Не только наши учителя, конечно, были хорошими, ни и ученики были хорошими. Тогда квот никаких не было, у нас в классе было одиннадцать золотых медалистов, не два, не три, а одиннадцать!

Т.Б.: Действительно очень много.

Б.Р.: Конечно много. Сейчас я вспоминаю, все-таки у нас хорошие были ребята. В те времена просто не то, что невозможно, я думаю, даже мысль такая в голову не приходила, что натянутая какая-то оценка для золотых медалей. Потом все одиннадцать, поскольку медалисты, мы все дружили, мальчишки же... Один стал академиком, правда, не в Москве, а в Новосибирске, почти все сделали очень хорошую научную карьеру.

Т.Б.: Борис Васильевич, во времена вашей учебы в школе, в старших классах, что вам запомнилось из школьного обучения такое, что сейчас уже утратилось? Кое-что вы уже рассказали, может еще что-то по другим предметам, что-то интересное, чего сейчас уже нет?

Б.Р.: Удивительное дело. Много-много лет прошло, десятилетий, но я очень хорошо помню всех своих учителей. У нас была великолепная преподавательница литературы. Она нас не то, что заставляла, а мы сами выбирали — делать доклады.

Т.Б.: Задавала?

Б.Р.: Да, задавала. Она, кстати, нас называла по имени. Она обращалась, когда мы проходили Островского «Грозу»: «Борис, ты не можешь взять на себя труд и рассказать о том (не то, что прочитай учебник и перескажи), как ты воспринимаешь этот персонаж — Катерину». Или еще кого-то. У нас, конечно же, даже в литературе прививали ученика к размышлению, к самостоятельности мышления. Учебники я совершенно не помню. Единственное, что я помню, это учебник Киселева по алгебре, который к нам перекочевал, я только потом узнал, вообще из XIX века. Да, он был написан в XIX веке. В нашей школе он дожил до середины 50-х годов. И конечно, самое главное — это прививание способности к мысли, к обучению.

Т.Б.: То есть, через литературу даже это шло?

Б.Р.: Да, это шло через литературу, я уже не говорю про химию... Я уже сказал, что к десятому классу прочитал Глинку и знал почти наизусть. Юношеская память очень хорошая.

Т.Б.: То есть, учителя действительно стимулировали к самостоятельным занятиям, к самостоятельным размышлениям?

Б.Р.: Да, конечно, у нас были и двоечники, разумеется, но это как-то не запомнилось, а запомнились замечательные доклады... До сих пор помню прекрасно, как мой приятель школьный Гришка Шегин делал доклад о каком-то женском образе из классической драматургии. Он стоял на одной ноге, языком подпирал щеку — у меня в глазах эта картина, потому что я рядом сидел. Мы слушали, если так можно сказать, разинув уши, так великолепно он говорил. И конечно, приучали нас к тому, что сейчас, к сожалению утеряно. К риторике. Вы наверняка знаете, что даже в Америке есть такой предмет. Не во всех школах, в некоторых. Так и называется: риторика. Такие выступления, конечно, приучили нас к риторике. Именно поэтому очень многие из моего класса стали, в конечном счете, преподавателями.

Т.Б.: Да, эти доклады, конечно, развивают речь в первую очередь.

Б.Р.: В школьные годы, вы знаете, я был очень углублен в познание и математики, и химии...

Т.Б.: То есть, вам нравилось учиться?

Б.Р.: Очень нравилось! Я учился с удовольствием, без труда, в частности благодаря учителям. Без всякого напряжения. Конечно, бывали и четверки, но тройки не помню.

Т.Б.: Интересно, родители во времена школьной учебы как-то отслеживали вашу успеваемость или не приходилось?

Б.Р.: Нет. Мама занималась воспитанием моей младшей сестры, Соньки, а отчим тоже очень интеллигентный человек, но он был историк. Как-то в те времена история меня меньше интересовала. Наверное, интерес к истории, в том числе к истории, кстати, науки, почему я с любовью читаю две лекции в курсе истории химии, он приходит с возрастом.

Т.Б.: Ну, и потом вспоминается семейная атмосфера, видимо, где дома обсуждали какие-то свои...

Б.Р.: Владимир Геннадиевич, мой отчим, очень добро, тепло ко мне относился. У него была узкая специальность, он занимался декабристами, у него было много публикаций по движению декабристов. В частности, он занимался декабристами Луниным и Батеньковым. С тех пор я запомнил эти две фамилии. Собственно говоря, я повторяю, что моя любовь к химии зародилась, конечно, и длится до сих пор, начиная с 8-го класса. А в 53-м году я поступил в Московский университет.

Поступление в Московский университет

Т.Б.: Как вы сдавали экзамены, расскажите. И как вы решились поступать в Московский университет, почему?

Б.Р.: А куда же еще-то?

Т.Б.: Родители потому что?

Р: Родители историки, мама — археолог, Владимир Геннадьевич, мой отчим — историк, дед тоже историк. Не знаю, перебила книжечка Корсунского.

Т.Б.: А почему именно Московский университет, потому что все предки из Московского университета?

Б.Р.: Не знаю, почему... А, знаю! Когда я был в 9-м классе, каким-то образом я познакомился со студенткой химфака, Таней Бабкиной. Была у нас такая студентка рыженькая, очень симпатичная. Она была старше, конечно, она была на третьем курсе. У нее такие замечательные рассказы о химфаке были, о химфаке МГУ, что, собственно говоря, после ее рассказов у меня не было никаких сомнений, куда пойти учиться. Конечно, на химфак университета. В те годы, 53-й год, поскольку я был одним из одиннадцати золотых медалистов, то никаких экзаменов не было, а было только собеседование. Летом 53-го года

еще не открылся университет, он открылся официально как учебное заведение 1 сентября 1953 года.

Собеседование мы проходили вместе с будущим академиком Колей Зефириным, рядышком мы сидели. Потом и учились на одном курсе. Собеседование принимал, может быть, даже помните такого замечательного преподавателя аналитической химии, Перч Карлович Агасян. Очень эмоциональный человек, очень разговорчивый. Первым пошел Николай, потом пошел я за ним. И он почему-то откровенно говорит, после того как я кончил: «Все в порядке, не сомневайтесь, я надеюсь, что из вас получатся очень хорошие химики». Я прекрасно запомнил это напутствие Перча Карловича Агасяна. Вот такая была история.

Т.Б.: А какие вопросы, например, задавались на собеседовании? Именно по химии или вообще?

Б.Р.: Нет, по химии. Я помню, что мне досталось. Мне досталось рассказать о синтезе аммиака. Я довольно долго рассказывал.

Т.Б.: То есть, это такой мини-экзамен был?

Б.Р.: Да, но он был без оценки. Причем, это было почти то же самое, о чем говорил Сергей Капица, когда вспоминал о своей преподавательской деятельности на физтехе. Ведь он рассказывал о том, что они долго-долго обсуждали с ректором, что важнее для студента — знать или понимать. В конечном счете они пришли к выводу, что понимать. Он говорил, что у них была необычная система экзамена, в физтехе. Они предлагали студенту самому выбрать тему, никаких билетов не было, пользоваться можно было любыми справочниками, поскольку он готовился дома. Потом студент приходил и делал доклад по этой теме, и на основании этого доклада возникали вопросы, возникал диалог.

По сути дела, такой диалог у меня был с Перч Карловичем. Что там Коля рассказывал, я не знаю. Дело в том, что он не москвич, Коля, он из Ярославля. Он занимался в кружке с известнейшим профессором Фарберовым в Ярославле, который вел там школьный кружок. Он к первому курсу невероятно много знал по химии, он уже лет пять, наверное, у Фарберова был в кружке. А я был, соответственно, у Валентины Николаевны. Ее подопечным. Химию мы очень хорошо знали. И Коля, и я прошли без затруднений.

Дело в том, что это был 53-й год. Нужно сказать вот какую вещь: прием 53-го года был, наверное, самый большой вообще за всю историю химфака. Было принято триста пятьдесят человек. Единственный год, когда был двойной выпуск: 10-й и 11-й классы одновременно. Когда появился 11-й класс, а 10-й класс кончал, тогда, наверное, было примерно столько же — триста пятьдесят человек. Причем, и это сохранилось надолго, больше половины было не москвичей.

Т.Б.: И раньше, когда я училась, тоже больше половины было не москвичей.

Б.Р.: И несмотря на это я, будучи студентом первого курса, один жил в комнате в общежитии, единственный.

Открытие Главного здания МГУ 1 сентября 1953 г.

И я прекрасно помню день 1 сентября.

Т.Б.: Да, вот расскажите, как это было?

Б.Р.: О, это невероятная совершенно вещь. Дело в том, что до этого дня я не был на Ленинских горах. На Ленинских горах было здание Московского университета и Дом преподавателей — все. Больше ничего не было. Разумеется, и химфак был, и физфак был. Кампус университетский существовал. Но кроме кампуса и Дома преподавателя...

Т.Б.: А что между Домом преподавателей и университетом было? Чистое поле?

Б.Р.: Да, чистое поле. Абсолютно чистое поле. Точно совершенно. Так вот. До первого сентября 53-го года

(я же говорил, что мы с Колей проходили собеседование в старом здании, в желтом здании) я не был здесь на Ленинских горах. И конечно, было совершенно фантастическое [ощущение], как будто на Марс я попал. Потому что это высотное здание, все деревья были в мой рост, только что посажены, огромное число народу. Причем, там митинг еще был, с той стороны. Иван Георгиевич Петровский, кто-то из правительства был, Михаил Алексеевич Прокофьев, он был министром тогда образования. Конечно, мы все были ошарашены.

Нужно сказать, что из этих трехсот пятидесяти человек, конечно, очень много отсеялось. Кончилось не больше, чем двести пятьдесят человек. Когда мы кончили, соответственно, в 58-м году, у нас был огромный прием в аспирантуру. Тогда же был год химии, большой год химии, Пленум по химии был.

” В аспирантуру было рекомендовано чуть ли не сто двадцать человек. Это называлось «несмеяновский» призыв в аспирантуру.

По этой причине ИНЭОС на треть выпускниками нашего курса был укомплектован. В Новосибирск потом уехало человек двадцать. Сейчас там, по-моему, десять человек еще сохранилось. Естественно, здесь в Московском университете осталось очень много после аспирантуры. Остались, защитились и здесь работают. Из моих однокурсников кого я могу назвать? Зефирова я назвал, Юра Устынюк, профессор Воронин, профессор Сидоров — это все мои однокашники, однокурсники, с которыми пять лет мы провели.

Нужно сказать вот какую вещь. Конечно же, в те годы у нас был совершенно фантастический набор лекторов. Первая лекция была в Большой химической аудитории. После митинга мы направились в Большую химическую аудиторию. И первую лекцию по традиции, как потом многие годы, открывал Виктор Иванович Спицын, неорганик. Ассистировал у него, как вы знаете, Лавут. Это тоже очень интересная вещь. Я сейчас написал книжку про катализ, она принята к издательству. На прошлой неделе я встречался с научным редактором этой книги. Я не знал ее до этого и вдруг выяснил, что это его дочка, Эдуарда Лавута. И доцент Лавут, который обучал моего внука через многие-многие годы. Как тесен химфаковский мир.

Преподаватели химического факультета. Лекции А.Н. Несмеянова

Я хочу, конечно, назвать своих великолепных преподавателей. Великолепных — это, наверное, не то слово! Во-первых, Виктор Иванович Спицын, при всем налете аристократичности у него великолепные были лекции. Потом математика, это незабываемый Тумаркин Лев Абрамович. Просто никакой учебник не нужен был.

Т.Б.: Согласна, блестящие лекции. И все можно было успеть записать.

Б.Р.: Да, только хотел произнести эту фразу. Все можно было записать, а главное, понять, здесь же на лекции. Великолепный лектор, до сих пор помню его.

Т.Б.: Нам он тоже достался из двух лет, которые полагалось, первый год он успел нам прочитать. Потом, к сожалению, умер, но мы почувствовали за этот год, что это за совершенные лекции.

Б.Р.: Потом великолепный тоже лектор был, я помню, его слушали с огромным вниманием, боялись отвлечься, мы даже не записывали. Он очень свободно говорил, он нам физику читал. Это Владимир Ксенофонович Семенченко. У него такой немножко странноватый, высокий дискант был. Сначала как-то мы посмеивались, но потом просто были им очарованы. Аналитику нам читал Иван Павлович Алимарин на втором курсе. Ну и, конечно же, совершенно незабываемый лектор Александр Николаевич Несмеянов, по органике. Такого лектора я не встречал потом в жизни никогда.

Т.Б.: Чем он отличался, на ваш взгляд, как лектор?

Б.Р.: Он читал в очередь лекции с Олегом Александровичем Реутовым, но у Реутова был совершенно другой стиль.

Т.Б.: Сначала один читал, а потом другой?

Б.Р.: Нет. Дело в том, что он же был президентом Академии наук в те времена.

Т.Б.: Да, с 51-го года.

Б.Р.: Поэтому он по своим академическим делам какие-то лекции не мог читать, уезжал куда-то — за рубеж, на Пагоушское движение. И тогда читал Олег Александрович Реутов. Совершенно уникальный стиль Александра Николаевича Несмеянова. Читал лекции он в Большой химической аудитории, там здоровенная доска.

” Когда он говорил и рассказывал, то не просто говорил, не просто вспоминал, он размышлял. Очень часто бывали такие случаи: напишет какую-то формулу или какой-то ряд или механизм органической реакции, вдруг остановится и говорит: «Нет, вы знаете, наверное, все-таки эта реакция протекает не так». Причем, не то, что он вспоминал, где-то написано, что это не так.

Я потом со своим «органическим» приятелем, со Славой Соколовым, обсуждал такие фразы его. Это третий курс был, мы уже взрослые были. Нет об этом нигде не написано. У него во время чтения лекций возникали научные идеи. «Нет, эта реакция протекает не так, она протекает вот так». Причем, он стоял вполборота к нам, держа руку с мелком на этой стрелке или на равенстве, и даже не столько нам (он очень тихо говорил) произносил эту замечательную фразу: «Нет, эта реакция протекает не так». И тут же рисовал, как она могла с его точки зрения протекать.

Т.Б.: Интересно.

Б.Р.: Олег Александрович очень весело читал лекции, он тоже был прекрасный лектор, но совершенно в другом стиле. Он облакачивался на пюпитр как котенок (*показывает*), чуточку полусогнувшись, и читал. Мы тоже очень любили его лекции. Естественно, даже в голову не приходило, чтобы какую-то лекцию пропустить.

Т.Б.: А вообще как считалось, посещать лекции обязательно?

Б.Р.: Да, в те времена да. Только потом, я не знаю, в какие годы, был издан приказ ректора, что якобы свободное посещение лекций. Так и неизвестно, сейчас существует официально свободное посещение или нет. Я пытался узнавать, но выяснилась такая забавная бюрократическая вещь. Оказывается, тот приказ о свободном посещении никто не отменял, не было приказа, отменяющего тот приказ. Поэтому никаких упреков формально мы предъявить нашим студентам, которые не ходят на лекции, не можем.

Физическую химию нам читал великолепный Евгений Николаевич Ерёмин. Очень был строгим человеком. Он абсолютно четко, никогда не ошибался, четко формулировал, очень медленно читал. Я тоже запомнил великолепные его лекции. А семинары у нас вел Владимир Михайлович Грязнов, он тогда был доцентом, еще не защитил докторскую диссертацию. Кстати, его докторская диссертация содержала всего восемьдесят страниц.

Т.Б.: Успеть на восьмидесяти страницах изложить докторские тезисы не просто.

О летних отработках на сенокосах и двух попытках поступления

в университет

Б.Р.: В 53-м году мы поступили. Значит, каждое лето, лето 54-го, лето 55-го года (тогда не было стройотрядов), мы ездили в подмосковные колхозы, совхозы на косьбу.

Т.Б.: Это было организовано от университета?

Б.Р.: Да, конечно. Спали мы на сеновале великолепно, туда нужно было забираться по лестнице, там и мальчишки, и девчонки вповалку спали.

Т.Б.: В общем, весело было.

Б.Р.: Весело. И романы возникали, в общем невинные романы. Косили клевер, по-моему, не помню, что косили. С Геней Ворониным. Два лета мы там были. Причем, что удивительно, нас научили. Ну откуда у нас, городских мальчишек, умение косить? Но оказалось, что это примерно то же самое, что езда на велосипеде — оно на всю жизнь. Я действительно умею косить, и до сих пор у себя на даче я учу своих соседей, как нужно косить. Они все косят неправильно. Я говорю, что же ты так косишь? Надо пяточку прижимать к земле, тогда только срежешь все, что нужно, нужным образом. До сих пор это умение сохранилось. У меня старая-старая коса, которую я унаследовал из хозяйства моей покойной тетушки, тети Ани. Довоенная коса, можете себе представить? Она старше меня, ну, не старше, а примерно моего возраста.

Т.Б.: Вы ее так бережете?

Б.Р.: Она великолепно, она, во-первых, маленькая, во-вторых, ею очень легко косить. Там, видимо, мягкая сталь, и ею легко косить.

Т.Б.: Борис Васильевич, а вот когда вы поступали, на вашем поступлении не сказан арест отца? Вспоминали вам это? Или удалось как-то обойти этот вопрос?

Б.Р.: Нет. Потому что первый раз я поступал в 52-м году и, будучи правоведем и правильным комсомольцем, я, естественно, в своей анкете, которую мы заполняли, про отца написал. И... не прошел по медицинской комиссии.

Т.Б.: Понятно, избрали такой метод.

Б.Р.: Да, избрали такой способ отсева. Через год я благополучно «выздоровел», и никаких проблем со здоровьем у меня не было. Так что в принципе я в первый раз я поступал в университет с Юрой Овчинниковым, с Женей Агеевым, с Евгением Петровичем Агеевым, вот с этим курсом я поступал. Они поступили, а я год проработал в Первом медицинском институте, в подвале, который находился рядом с химфаком. Вот хорошо, что вы напомнили. В течение года я очень тесно (оно же рядом находилось, старое здание Первого меда, подвале я работал на кафедре общей химии лаборантом, а химфак прямо дверь в дверь) с ними общался.

Т.Б.: Там же рядом и анатомический театр был, в комплексе зданий?

Б.Р.: Да. Я познакомился в те времена с Сергеем Михайловичем Скуратовым. Он меня в течение этого года как-то опекал, поддерживал. Хотя не думаю, что нужно было что-то делать, если у меня была золотая медаль. А в 53-м году я, естественно, не написал ничего про отца, и все было нормально. А еще год я пропустил во время войны в Суздале. Поэтому я на два года старше своих однокурсников. Нужно сказать, что довольно много на моем курсе, ну, не очень много, но во всяком случае довольно было людей, которые прошли войну, фронтовиков.

Т.Б.: Те, которые постарше вас?

Б.Р.: Которые немного постарше, ну, в частности, Володя Матвеев. Он старше нашего курса лет на пять. Вот он пришел из армии. Я уж не знаю, как они поступали, по каким-то квотам или нет, но несколько человек было. Но они с трудом учились. Почти половина из них ушла. Почти половина из них не смогла

учиться, и они ушли после первого курса.

Выбор научной сферы

Ну вот. Мое, собственно говоря, приобщение к катализу, гетерогенному катализу, произошло в 55-м году, почти уже шестьдесят лет назад.

Т.Б.: На третьем курсе?

Б.Р.: Нет, на втором курсе.

Т.Б.: А как это случилось?

Б.Р.: Вы знаете, Татьяна Витальевна, это случилось, по-моему, совершенно случайно, я уже даже не знаю, почему. Вдруг я заинтересовался. То ли мне назвали фамилию Клавдии Васильевны [Топчиевой]. Короче говоря, я подошел к Клавдии Васильевне, кабинет которой был не там, где потом он находился, а там, где Виктора Павловича Спиридонова был кабинет. Это маленькая узенькая комнатусечка напротив их лаборатории. Я, значит, нашел ее там и чего-то стал, то ли внятно, то ли невнятно, говорить: «Клавдия Васильевна, вот я бы хотел заняться катализом». Она говорит: «Ну, хорошо, хорошо, это очень хорошая специальность. Я вам сейчас дам список литературы, который вы прочитаете и потом мне расскажете». К моему замечательному удивлению это был список трудов отнюдь не Клавдии Васильевны, отнюдь не по катализу, а по адсорбции киселевских трудов.

Т.Б.: Как интересно.

Б.Р.: Я тогда понял, почему. Потому что они были великолепно написаны. Ведь Киселев, Андрей Владимирович Киселев, покойный, ведь он был великолепным научным литератором. Все статьи его читать просто одно удовольствие. Они настолько четко, ясно написаны.

Т.Б.: Как образец?



Отец Б.В. Романовского

Б.Р.: Да, как образец. Я проштудировал эти самые вещи. Потом пришел к Клавдии Васильевне и с 55-го года уже непосредственно был... Причем, у меня как-то получилось, даже руководителя научного не было, я работал самостоятельно. Я работал тогда в 77-й комнате. Хорошо вам знакома, там, где сейчас Ирина Федоровна Московская работает. Такая большая наша комната. Первое, что я сделал, это прокалибровал термопару по металлам. Это самое первое мое деяние, которое я сделал экспериментально. До сих пор помню процедуру калибровки этих самых металлов.

Защита кандидатской диссертации и работа на Кубе

Вот еще один эпизод, ну, наверное, это уже эпизод, связанный с окончанием обучения. В 58-м году мы кончили. Значит, в 58-м году я поступил в аспирантуру. Через два года, Клавдия Васильевна тогда была деканом, она перевела меня на должность м.н.с. И уехала в составе делегации Министерства образования на Кубу.

Т.Б.: Преподавать?

Б.Р.: Нет, нет, нет. Это была делегация Министерства образования.



Молодое кубинское правительство после революции решило отказаться от американской системы образования, хотя может и зря. И они поехали туда для того, чтобы ввести им, во-первых, наши учебные планы, во-вторых, наши учебные программы.

Ну, естественно, когда они вернулись с Кубы... преподавать по этим планам не они же поедут туда. Это был 62-й год. Когда вернулась Клавдия Васильевна, она троих рекомендовала туда поехать на год преподавать. Это были Борис Вениаминович Лакшин, профессор, и, к сожалению, покойный Виталий Карелин. И вот я. Вот мы трое с химфака были туда рекомендованы.

Т.Б.: Вы одновременно поехали?

Б.Р.: Одновременно. Не то, что поехали, мы поплыли на маленьком-маленьком пароходике, который назывался «Михаил Калинин». Он маленький. Пять тысяч тон водоизмещение. Когда мы доплыли до Канарских островов, началась жуткая буря.

Т.Б.: Как же вы там не пропали?

Б.Р.: Вот не пропали. Но что здесь было интересно. Я уверен совершенно, до сих пор этот рекорд не побит. Точно так же, как не побит возрастной рекорд Ирины Петровны Белецкой, женщины, доктора наук, защитившей докторскую в двадцать девять лет. До сих пор рекорд ее не побит. И наш с Борей Лакшиным рекорд тоже не побит. Мы защитили кандидатские диссертации. Вы знаете, это был какой-то странный год, когда нельзя было защищать диссертации в своих организациях. Поэтому я защищал в ИОХе.

Т.Б.: А почему нельзя было?

Б.Р.: А спросите почему. Вот бюрократия так решила, что нельзя защищать, а то будут способствовать. Видите как. Это было очень важное мероприятие — посылка туда наших советских преподавателей. Нас отбирали очень тщательно, и более того, если потом это все происходило на уровне парткома университета, то мы, которые должны были ехать, были вызваны в ЦК партии на Старую площадь. С нами беседовал заместитель заведующего отделом иностранного отдела ЦК. Можете себе представить, насколько придавалось значение этой поездке. В те годы министром высшего образования был Михаил Алексеевич Прокофьев. И когда защитились, мы получили кандидатские дипломы ровно через две недели.

Т.Б.: Ух ты! Это как раз перед поездкой было?

Б.Р.: Перед поездкой. Виталий Карелин чуть раньше защитился, на полгода. Мы нормально защитились, но важно то, что это произошло через две недели.

Т.Б.: Чтобы вы уже с дипломами поехали?

Б.Р.: Да. Официально мы были уже утверждены в качестве кандидатов химических наук. Вот мы и поехали туда.

Т.Б.: Да, это действительно рекорд. Две недели.

Б.Р.: Две недели, по-моему, с тех пор не было. Даже сейчас не было такого. Что еще связано с Кубой? Это был период блокады. И когда на этом дохленьком пароходике «Михаил Калинин» подплывали к Кубе, мы плыли через строй американских эсминцев. Он же медленно шел, и нас в течение двух дней постоянно облетали военные самолеты на очень низком бреющем полете. Они смотрели, что на палубе. Поскольку тогда мы были политически не очень подкованы — молодые, легкомысленные — мы высыпали на палубу и махали руками летчикам. Нам эта процедура страшно нравилась. А плыли мы очень долго. Тогда же не было сообщения никакого. Самолеты вообще не летали туда никакие, кроме военных. А мы плыли туда с очень большой группой детей, которые были вывезены из Испании во время гражданской войны.

Т.Б.: Их что, хотели там поселить?

Б.Р.: Нет. Они почти все уже были гражданами Советского Союза, но поскольку у них родной язык испанский, то как специалисты, владеющие испанским языком, они ехали туда на время нашей работы. Никаких же учебников не было испанского языка, ни учителей, ни курсов.

Т.Б.: А как же вы?

Б.Р.: А вот слушайте. Мой друг Боря Лакшин где-то достал старый учебник. Когда была гражданская война, он был популярен. И у нас издавались учебники испанского языка. Вот он достал старый довоенный учебник испанского языка. Мы с ним ходили к Ломоносову и просто читали этот учебник. Поэтому какие-то азы испанского языка мы познали. Но почему я стал говорить про этих детей испанских. У них было специальное даже название, я по-испански скажу: «hispano soveticus». Испано-советские люди. И вот они разобрали нас по группам и в течение двух недель натаскивали на разговорном испанском языке.

Т.Б.: Как повезло!

Б.Р.: Повезло, конечно. Мы же ехали туда читать не на русском, а какие там переводчики. Не было их.

Т.Б.: Да и столько переводчиков где найти!

Б.Р.: А ехала нас довольно большая группа, человек пятнадцать. Мы с Борей Лакшиным оказались не в Гаване, мы оказались с ним в университете Санта Клара, самый центр Кубы. Там великолепный университет, который американцы им построили. Совершенно новое, в те времена, естественно, новое, современное здание, трехэтажное. Великолепные корпуса, но совершенно пустое.

Но вот что еще интересное, связанное с нашим пребыванием на Кубе.



Кубинцы почему-то считали, раз приехали советские люди, то мы все умеем делать, все можем читать.

А в течение первых трех месяцев, что мы там были, мы с утра до вечера по восемь часов занимались с преподавателем испанского языка, который естественно по-русски не знал. Только испанский. Да, такое погружение. Мы с Борей вдвоем к Андресу этому ходили. И у него на доме, тогда ведь Кастро был страшно популярен, и на дверях интеллигенции, думаю, не только интеллигенции, была прибитая такая обязательная металлическая гравировка, на которой было написано: «Fidel, es su casa». В этот дом мы и ходили. Не то, что тяжело было, мы были молодые. Но по восемь часов в день мы занимались. В результате (мы приплыли туда в декабре) в феврале месяце мы начали читать лекции на испанском языке.

Т.Б.: Ничего себе!

Б.Р.: Да. Так вот, когда мы стали обсуждать программы, что будем читать, кубинское руководство, ректор, который нас принимал, который не удрал в Америку, очень же много преподавателей отправилось туда...

Т.Б.: А что, много уехало?

Б.Р.: Много, конечно.

Т.Б.: Да что вы говорите!

Б.Р.: Ведь Куба от Флориды находится на расстоянии девяноста миль. Недалеко. А девяноста по-испански «noventa». И у кубинцев возникло бранное выражение: «иди на... a noventa» — за девяноста миль. В Майами. Миграция кубинцев в Майами же была.

Т.Б.: То есть, в этот период действительно такая эмиграция оттуда была?

Б.Р.: В тот момент, когда мы были, все, кто мог, уже уехали. Довольно много интеллигенции осталось, но эта прослойка была очень здорово обескровлена, и некоторые дисциплины были просто пустые. И вот когда нас ректор принял в своем кабинете... большой такой кабинет, хорошо обставленный, на столе лежит револьвер. Seriously совершенно! Мы так косились на этот револьвер. Потом привыкли к этому, у них почти у всех у мальчишек, студентов, было личное оружие. Он, значит, стал говорить, профессор. Дело в том, что в Латинской Америке профессором называют любого, кто преподает, не только в вузе, в средней школе, в начальных классах. Все равно «profesor». Так вот: «profesor Романовский, что вы подготовили, что вы будете читать?» Я нахально сказал: «Физическую химию. — Да, физическая химия — очень хорошо. Но вы знаете, мы попросили бы вас еще прочитать вот что: аналитическую химию и теорию ошибок».

Т.Б.: Теорию ошибок?! (*смеются*)

Б.Р.: По аналитической химии, ладно, еще можно что-то было сделать. А что касается теории, вернее не теории ошибок, а способов обработки экспериментальных результатов, матстатистика применительно к экспериментальной химии. Ну, естественно, мы из Москвы взяли учебники на русском языке исключительно по химии. Пошел я тогда в библиотеку, взял американские учебники по матстатистике, чего-то там понял. Короче говоря, я прочитал этот курс, он был небольшой, конечно, может десять лекций. Но самое замечательное заключается вот в чем: прочитав этот американский учебник на английском языке, я, естественно, запомнил и объяснил термины на английском языке. Когда я вернулся в Советский Союз, пришел на химфак и стал слушать лекции Налимова по матстатистике, тоже замечательные были лекции, я не мог понять, о чем он говорит! Я не владел русской терминологией в области статистики!

Т.Б.: Вам пришлось изучать русскую терминологию после английской? (*смеется*)

Б.Р.: Да. Ну, средняя величина, это понятно. Но там целая куча специальных понятий, скажем, доверительный интервал. Он по-другому совершенно по-английски звучит.

Т.Б.: А как же, вы ведь им говорили английские термины? А как же по-испански они это переваривали?

Б.Р.: Вы знаете, как-то переваривали. Не помню, как это происходило. То ли я транскрибировал это на испанский и произносил на испанский манер. Но, поскольку писал формулы... нет, насколько помню, я произносил их по-английски. Испанского учебника ведь не было никакого. И все мы так. Боря Лакшин тоже свою органику там преподавал и еще он преподавал, как это называлось? — физико-химические методы в химии. Поскольку он был прикасаем к спектроскопии, то ему это было легко.

Я хочу сказать такую интересную вещь, что почти все преподаватели, которые туда поехали, кроме выпускников Московского университета, все читали с переводчиками. Только мы трое читали [на испанском]. Виталий Карелин вообще говорил потрясающе. Он там остался потом на два года. Сын его сейчас один из первых докторов наук детей нашего курса. Он биолог. Специалист по орнитологии, один из очень немногих выдающихся специалистов по орнитологии. А Карелин в конце своего пребывания вообще был неофициальным, но таким широко используемым переводчиком у Че Гевары. Там мы познакомились с замечательным послом Алексеевым. Недавно о нем вспоминали, сейчас же годовщина кубинского кризиса. Он очень был демократичный человек.

Т.Б.: А как была организована там ваша жизнь?

Б.Р.: В Гаване все просто, много гостиниц, много отелей. И когда мы туда приехали, нас поместили в гостиницу, название не помню. И когда мы наезжали [в Гавану]... дело в том, что мы там получали зарплату не в университете, где работали, а в посольстве. Поэтому за зарплатой вынуждены были приезжать в Гавану, тогда останавливались в гостинице. В Санта Кларе, где мы жили, нас поместили всех вместе, троих, в коммунальной квартире, если хотите. Ну, они относительно, конечно, были коммунальные. Испанский или латино-американский стиль квартир — это длинные-длинные коридоры. И из этого общего коридора... Да, коридорная система, но это не совсем коридор, а просто балкон, на котором можно было из одной комнаты перейти в другую. У нас была столовая, была кухня

с холодильником. Четыре комнаты у нас там было. И ездили мы, поскольку университет был за городом, ездили на маленьких, очень странноватых такси, которые поступали им из Польши, которые сами кубинцы так и называли «poleqita», т.е. «пóлячка». На них мы доезжали до университета каждый день.

” Конечно, там было голодно. В первое время было просто голодно, потому что ни черта в магазинах не было. Но нас потом выручило вот что: там стояла наша советская воинская часть. У них был склад продовольственный, и нам разрешили им пользоваться. Конечно, разносолов никаких не было, икры не было. Тушенка, макароны. Картофель, кстати, мы тоже оттуда брали.

Т.Б.: Там-то, небось, не растет картошка?

Экскурсия на сахарный завод

Б.Р.: Там сладкий картофель. Маниока и сладкий картофель. А так нет, картофель не растет. Ну и конечно, еще довольно яркое впечатление, когда нас однажды повезли на экскурсию на сахарный завод, который имеет очень характерное название. Каждый сахарный завод, там их было много. Причем, Куба производила жуткое количество, четыре миллиона тонн, самой Кубе нужен был один миллион тонн. В те времена, до революции, Америка закупала, а потом, конечно, возникла проблема: куда сахар девать? В Россию, да. Мы очень долго покупали кубинский тростниковый сахар.

Эта штука называлась «центральный». Как выглядело производство сахарного тростника в те времена, во всяком случае на Кубе? Стоит центральный, вокруг нее огромное-огромное пространство занято сахарным тростником. Сахарный тростник рубили вручную, вы наверняка знаете, с помощью мачете. Я тоже научился, и Борька очень здорово его рубил. Тяжело, конечно, было, физически тяжело. Мачетеро (те, кто рубит, назывались мачетеро) рубили сахарный тростник, грузили на тележки, потом эти тележки свозились к грузовикам. Эти грузовики по концентрическим направлениям двигались к этой самой [центральной]. Это происходило только в конце лета, зимой все было закрыто. Сахарный тростник там выгружался, из него выжимали сок, а все то, что оставалось, шло на производство электроэнергии.

Т.Б.: Сжигали?

Б.Р.: Сжигали. Сок выпаривали, конденсировали пары воды, которая шла в техническую [переработку]. Сок выпаривали, кристаллизовался сахар. Остатки этих стеблей, они назывались «bagasse» — великолепное топливо. Что самое замечательное, почему я об этом рассказываю? Дело в том, что эти центральный, они ничего не потребляли. Ни электроэнергии, ни воды. Они только принимали сахарный тростник, а оттуда вывозился готовый сахар. Замкнутый цикл. Никаких отходов, ничего, кроме дыма. Причем дым не очень ядреный, там же не было никаких терпенов, ничего. Полное сгорание.

Кубинские студенты. Возвращение в Москву

Т.Б.: А как вам понравились кубинские студенты, что они из себя представляли?

Б.Р.: Обязательно расскажу. Я все время в своей лаборатории это рассказываю, когда возникают трудности в понимании того, что человек говорит. Поскольку мы, я во всяком случае, были молодые, очень много о себе думали и полагали, что чем более строго, чем более высоко мы рассказываем, тем лучше. На третьей лекции ко мне подошла студентка, там было примерно половина ребят, половина девочек. Она была наиболее смелая. Подошла ко мне и говорит: «Профессор, знаете, вы нам сложно читаете, мы не понимаем того, что вы говорите». Я говорю: «Дейда, хорошо, а как же вам читать?» Я на всю жизнь

запомнил и все время вспоминаю ее фразу. Она мне сказала: «Вы должны нам читать a nivel de cretinos [на уровне кретингов]» (*смеются*).

Два дня назад пришел наш студент и стал мне на птичьем языке рассказывать о технике. Она немного сложная, я только знаю, что она существует. Вот я ему эту фразу и вспомнил: «Вадик, рассказывайте мне на уровне кретина». Он страшно удивился, но немножко изменил стиль своего рассказа. А вы знаете, экзаменов у них не было. Не было, отменили.

Т.Б.: А как же проходила аттестация?

Б.Р.: Я не помню экзаменов. Мы же целый год там пробыли, и никаких экзаменов не было.

Т.Б.: Просто, прочитали и прочитали?

Б.Р.: Довольно много мы перевели наших, не учебников, а методических материалов, практикумов на испанский. Насколько я знаю, они до сих пор там существуют. Конечно, поправили кубинцы огрехи лингвистические. Они там были изданы в университете, до сих пор ими пользуются. Знаю по рассказам тех, кто там бывал. А когда мы возвращались, то уже было организовано самолетное сообщение, и мы летели на почти пустом... Пустом, понятно, потому что недостаток веса было топливо загруженное. Прямой рейс был Гавана-Москва-Гавана. Ту-114, винтовой самолет. Мы вылетели вечером из Гаваны, там салон довольно большой. Мы там просто сидели отдельно, спали. В полночь вдруг...

Т.Б.: Сколько же вы летели времени?

Б.Р.: 18 часов. Вдруг в салон входит стюардесса и будит нас. Мы говорим: «Чего?» А она: «Посмотрите вниз, под вами Северный полюс». Так что мы летели прямо по вершине шарика из Гаваны через Атлантику. Коротким путем. Северный полюс я видел — сверху. Вот такие кубинские воспоминания.

Еще одно воспоминание, тоже довольно яркое. Это 22 ноября 63-го года. Трагическая дата в истории Америки. Вечер. Я оказался в Гаване. Не все же мы ездили за деньгами, кто-то из нас ездил. Вот я как раз, видимо, поехал в Гавану за деньгами. И вечером пошел гулять, подошел к газетному киоску.

” Вижу, народ стоит у киоска, и я, уже не помню почему, спросил стоящего рядом человека: «Что случилось?» Он спокойно ко мне повернулся (до сих пор помню этот тон): «Да вот Кеннеди застрелили». Так спокойно-спокойно.

Иногда бывают в жизни такие мгновения, которые запоминаются на всю жизнь. Вот так, как я вам рассказал, как началась война. Воскресное утро 22 июня, как я помню солнечные лучи. Так же я запомнил выражение этого человека, который сказал, как будто «дождичек вчера прошел». Примерно вот так.

Т.Б.: Как относились тогда на Кубе к американцам? К Кеннеди?

Б.Р.: Очень плохо. Конечно же, сыграла свою роль антиамериканская пропаганда. Это первое. Второе, конечно, они очень негативно относились к людям, которые уехали во Флориду, в Майами. Отношение негативное, короче говоря. Я потом стал думать, почему этот человек так сказал. Согласитесь, это событие отнюдь не рядовое, неординарное. Убили президента. Помню, я потом, когда возвращался, принес с собой целый комплект кубинских газет, которые были посвящены этому трагическому событию. А когда я попал в Техас... К своему ученику туда ездил. Как город называется, где он погиб?

Т.Б.: Даллас.

Б.Р.: Да, Даллас. Вот в Далласе на том месте, где был автомобиль, очень маленькая табличка с надписью: «Здесь убит Кеннеди». Она вделана в асфальт, не где-то сбоку, а прямо в асфальт.

Т.Б.: Молодцы, так память сохраняют.

Б.Р.: Вот, наверное, на сегодня я бы закончил.